

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ОБ ОКРАИННЫХ ГОВОРАХ И ДИАЛЕКТАХ ЯЗЫКА КОМИ

Касаясь вопроса о былом расселении народа коми, М. Фасмер в свое время писал:

«На основе данных топонимики и лексических заимствований из пермских языков в севернорусских говорах можно установить распространение пермян в северо-западном направлении приблизительно до Архангельска, в западном направлении их следы доходят до Онежского озера. В южном направлении я их не могу обнаружить за Волгой между Нижним Новгородом и Казанью».¹

Примерно ту же мысль повторил недавно А. К. Матвеев: «В древности пермские народы жили гораздо западнее (вплоть до Северной Двины и даже до Онеги) и южнее, непосредственно смыкаясь с марийцами и мерей. Вопрос о камской прародине пермских народов требует пересмотра, так как уральская Пермь была лишь одним из ответвлений пермской группы, а большая часть территории Коми АССР в древности вообще, видимо, была заселена не коми населением. В целом создается такая картина, что пермяне занимали ранее обширную территорию Севера к западу от мест современного расселения коми-зырян.»²

В настоящей статье мы постараемся доказать, что подобного рода заявления не соответствуют действительности.

Прежде всего необходимо заметить, что никакой специфической топонимики и гидронимики коми-зырянского типа по течением рек Сухоны, Малой Двины и Большой Северной Двины нет, так же как нет ее в бассейнах рек Ваги и Онеги.

Топонимики и гидронимики коми-зырянского типа нет даже на Нижней Вычегде. Западнее станции Межог, являющейся границей расселения коми-зырянского населения на нижней Вычегде, обнаруживаются лишь отдельные топонимические и гидронимические названия, принадлежащие языку коми. Это главным образом район около села Яренска, ср. такие названия, как озеро *Себентьевское* восточнее села Яренска из коми-зырянского *Сибдан-ты*, в переводе — «Топкое озеро», *Тыкала* (название небольшого озера), *Ворга* — название низкого луга, *Ласты* — название болотистой местности, несколько гидронимических названий коми-зырянского происхождения имеется около села Яренска, например, название небольшой речки *Кишера* из древнего *Кишор*,

¹ М. Vasmer, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands im Lichte der Sprachforschung (= Preußische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften, Heft 5), Berlin 1941, стр. 30.

² А. К. Матвеев, Субстратная топонимика русского Севера. — ВЯ 1964, № 2, стр. 83.

Диндель — небольшой ручей, впадающий в реку Кижмолу. Несколько коми-зырянских названий имеется на реке Яреньге, например: *Кожером* — название небольшой деревни, *Чорва* — название небольшой речки. Небольшое количество коми-зырянских названий обнаруживается в районе, прилегающем к селу Ирта (15 км ниже села Яренска), например, названия двух небольших рек, впадающих в реку Вычегду — *Непшор* и *Ягволь*, а также названия деревень *Шордынь* и *Грезд*. Отдельные коми-зырянские названия по реке Вычегде встречаются и ниже села Ирта, например: *Цилиб*, *Тылаволь* (названия населенных пунктов), *Йоль* — приток небольшой речки Гижег, впадающей в Вычегду, *Ошлапье* — название населенного пункта.

Кроме этих, никаких других коми-зырянских названий в низовьях реки Вычегды нет. Утверждение о том, что коми-зыряне некогда населяли все течение реки Вычегды вплоть до ее устья около современного города Котласа, не имеет достаточно веских оснований.

А. К. Матвеев приписывает древнему коми языку топонимику на *-юга*³, например: *Изюга*, *Рочуга*, *Пундуга* и т. д.

Действительно, топонимика, или вернее гидронимика, на *-юга* представлена по течением рек Сухоны и Северной Двины, а также в междуречье Северной Двины и Онеги. Однако окончание *-юга*, по нашему мнению, было бы правильнее рассматривать как диалектную разновидность гидронимического окончания *-еньга* (из *-jenga*).

Можно предполагать, что в восточном ареале распространения гидронимики на *-jenga*, *-enga* происходило превращение *e* в *o* или *u* и выпадение *n*.⁴ Известные точки опоры для определения путей расселения народа коми может дать изучение его диалектов, в особенности так называемых крайних диалектов.

Понятие говора и диалекта, применяемое к языку коми, как известно, не отличается особой четкостью. Однако уточнение этих понятий не является целью данной статьи. В ней будут рассматриваться языковые единицы, расположенные на окраинах ареала расселения народа коми, независимо от того, является ли данная языковая единица диалектом или говором.

Диалектологи насчитывают в современном коми-зырянском языке десять говоров: ижемский, вымский, удорский, нижневычегодский, присыктывкарский, печорский, верхневычегодский, среднесысольский, верхнесысольский и лузско-летский. Восемь из них являются крайними: ижемский, удорский, нижневычегодский, среднесысольский, лузско-летский, верхнесысольский, верхневычегодский и печорский говоры.

Центральное положение занимает присыктывкарский говор.

Поскольку коми-пермяцкое и коми-язвинское наречия по своему естественному расположению являются крайними, то они будут нами рассматриваться без разделения на отдельные говоры.

Окраинные говоры и диалекты языка коми интересны тем, что они содержат некоторые архаические черты, уже исчезнувшие в центральных говорах. Поэтому окраинные говоры и диалекты языка коми являются своеобразным хранилищем архаизмов. В целях создания большей стройности изложения затронутого вопроса фонетические и морфологические архаизмы будут нами рассматриваться отдельно.

³ А. К. Матвеев, указ. раб., стр. 74, 75.

⁴ Более подробная аргументация этого тезиса содержится в нашей статье «О причинах возникновения некоторых специфических особенностей развития древнепермского вокализма и консонантизма». — Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова, Москва 1965, стр. 238—241.

1. Фонетические архаизмы

В окраинном верхнесыольском говоре коми-зырянского наречия до сих пор сохраняется два типа *o* — *o* открытое и *o* закрытое (*rop* 'конец' и *rop* 'собака', *kqs* 'промежуток' и *kqs* 'сухой').⁵

Известно, что в большинстве говоров языка коми старое веллярное *l* в конце закрытого слова и в абсолютном переходе слова превратилось в *v*, ср. удм. *nyl* 'девушка', коми-зыр. лит. *nyv*. Однако в некоторых окраинных говорах и диалектах языка коми это древнее *l* сохраняется. Оно сохраняется и в верховьях рек Сысолы, Летки, Печоры, в бассейне р. Лузы и в некоторых верхневьегодских сельсоветах (Керчёмский, Вочевский, Дзельский, Пожегодский).⁶

Насколько можно видеть, древнее веллярное *l* сохраняется в основном в окраинных говорах и диалектах.

В коми-язьвинском наречии сохранился также некогда существовавший в общекومی языке закрытый искомный *ш*.⁷

В этом же наречии засвидетельствован рефлекс древнепермского закрытого *ɛ* в виде ударяемого *i*.⁸

В коми-пермяцком и коми-язьвинском наречиях некоторые слова, начинающиеся с гласного, не имеют вторичного *v*, например, коми-перм. *ož*, коми-язьв. *už*, верхнесыольск. *ōž*, коми-зыр. лит. *vož* 'рано, перед'. Коми-перм. *oj*, коми-язьв. *ij*, верхнесыс. *oj*, коми-зыр. лит. *voj* 'ночь'.

Слова, не имеющие начального вторичного *v*, являются более архаичными по форме.

В коми-пермяцком и коми-язьвинском наречиях сохраняется в конце суффиксов древнее *t*, перешедшее в других наречиях и говорах в *d*, ср., например, коми-перм. *remyt*, коми-язьв. *remyt*, коми-зыр. лит. *remud* 'темный'.

В коми-язьвинском и вишерском диалектах сохранилось общепермское среднерядное лабиализованное *ó*. В остальных диалектах оно перешло в *ɛ*, т. е. делабиализовалось.⁹

2. Морфологические архаизмы

В печорском диалекте сохранились некоторые реликты древнего латива на *ś*, например, *kyt-ś-ō* 'куда', *set-ś-ō* 'туда'.¹⁰

Во всех наречиях языка коми и их говорах древний латив на *ś*, соединившись с другим лативным суффиксом *-e* или *-ō*, приобрел значение терминатива, ср. коми-зыр. *ty-ōž* 'до озера', *Syktyvkar-ōž* 'до Сыктывкара'.

В верхнесыольском говоре коми-зырянского наречия, а также в коми-пермяцком наречии встречается сравнительный падеж на *-śa*. Кроме среднесыольского говора, в других говорах коми-зырянского наречия как самостоятельный падеж не встречается.

⁵ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 8.

⁶ В. А. Сорвачева, Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка. — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961, стр. 457.

⁷ В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 15.

⁸ Там же, стр. 16, 17.

⁹ Там же, стр. 127.

¹⁰ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961, стр. 190, 358.

Коми-пермяцкие говоры, а также летский говор коми-зырянского наречия хорошо сохраняют древнюю систему личных окончаний глагола: ед. ч. 1 л. *-a*, 2 л. *-an*, 3 л. *-ō*; мн. ч. 1 л. *-m(ō)*, 2 л. *-t(ō)*, 3 л. *-ōny*.

Формы 3-го л. ед. и мн. числа, характеризующиеся окончаниями *-as*, *-asny(s)*, в ижемском говоре сохраняют в известной мере до сих пор значение настоящего времени, ср. удорск. *munas* 'он идет', *munasny* 'они идут'.

Форма 3-го л. ед. числа перфекта, или второго прошедшего, оканчивающаяся в литературном коми-зырянском языке на *-ōma*, в некоторых окраинных диалектах и говорах языка коми сохраняет древнее окончание *-ōm*, собственно окончание причастия на *-ōm*, ср. коми-перм. *kōžōm* 'посеял', удорск. *pyrōm* 'вошел'.

В удорском, ижемском, вымском, нижневычегодском, лузском, летском, верхнесольском и верхневычегодском говорах формы отрицательного глагола *og*, *on*, *oz* в единственном и множественном числе одинаковы.

В вымском и летском говорах лучше сохраняется древнее собирательное множественное число на *-an* и *-jan*, служащее для обозначения круга лиц, связанных близкими родственными отношениями, ср. вымск. *tatyd-an* и летск. *tatyd-jan* 'мать твоя и другие с нею'.¹¹

Личное местоимение 3-го л. ед. числа *sijō* 'он' в форме винительного падежа в верхневычегодском, нижневычегодском, летском, лузском, печорском, вымском и удорском говорах не имеют конечного *s*. Если учесть, что некогда винительный падеж в пермских языках имел окончание *-e(ō)*, то форма литературного коми-зырянского языка с так называемым усилительным *s* (*sijōs* 'его') представляет несомненно вторичное явление.

В летском говоре притяжательный суффикс 1-го л. ед. числа сохраняет до сих пор архаическую форму *-ym*, например: *Mužykyt vōralō* 'муж мой охотится'.¹²

В ижемском говоре в творительном, соединительном и винительном падежах сохраняется древняя основа личных местоимений первого и второго лица множественного числа, например: *mi-ōn* 'нами', *ti-ōn* 'вами', *mi-kōd* 'с нами', *ti-kōd* 'с вами', *mi-tōg* 'без нас', *ti-tōg* 'без вас'. В других говорах в этих падежах наличествует другая основа, образованная на базе формы родительного падежа множественного числа, ср. сыкт. *mijan-ōn*, летск. *mijan-ōn* 'нами', сыкт. *tijan-ōn*, летск. *tijan-ōn* 'вами' и т. д.¹³

В удорском говоре в аффиксе винительного падежа сохраняется древний показатель множественного числа *t*, превратившийся в *d*, например, *puezdō* 'деревья', *ošjezdō* 'медведей',¹⁴ ср. удм. *ešjos-t-y* 'товарищей'.

О чем говорят эти данные? Они свидетельствуют прежде всего о том, что окраинные диалекты языка коми некогда отделились от языкового массива, расположенного первоначально в бассейне Камы. Отрываясь от этого массива, они унесли с собой некоторые особенности древнего языка коми, которые случайно сохранились в условиях изоляции. Южные и юго-восточные окраинные говоры языка коми содержат значительно больше архаизмов по сравнению с северными говорами. Это свидетельствует об относительно позднем начале миграции

¹¹ В. А. Сорвачева, указ. раб., стр. 468.

¹² Т. Н. Жилина, О говоре села Слудка. — Историко-филологический сборник, вып. 3, Сыктывкар 1956, стр. 82.

¹³ В. А. Сорвачева, указ. раб., стр. 473.

¹⁴ Там же, стр. 465.

коми из бассейна Камы на север в бассейн Вычегды. Эта миграция в основном осуществлялась в первых веках второго тысячелетия нашей эры.

В тот период, когда предки современного народа коми населяли менее обширную по своим размерам территорию в бассейне Камы, язык коми уже имел заметное диалектное членение. Северные его говоры заметно отличались от южных. Инициаторами миграции на север, по-видимому, явились носители северных говоров. Этим объясняется тот очевидный факт, что северные говоры коми-зырянского диалекта содержат значительно меньше архаизмов по сравнению с коми-язьвинским и коми-пермяцким диалектами.

Можно предположить, что верховья Вычегды и Печоры заселялись значительно позднее представителями более южных говоров языка коми. Не случайно В. И. Лыткин сближает по ряду отличительных черт верхневычегодский говор с коми-язьвинскими говорами.¹⁵

Все эти данные не подтверждают гипотезы М. Фасмера о былом широком распространении народа коми в северо-западном и западном направлениях вплоть до Архангельска и Онежского озера.

B. A. SEREBRENNIKOV (Moskau)

UBER DIE RANDDIALEKTE DER SYRJÄNISCHEN SPRACHE

Der berühmte Sprachforscher Max Vasmer, indem er die Frage über die alten Wohnsitze der Permier behandelte, schrieb folgendes:

«Auf Grund von Ortsnamen und Lehnwörtern aus dem Permischen in nordrussischen Mundarten läßt sich eine Ausbreitung der Permier in nordwestlicher Richtung etwa bis Archangelsk feststellen. Im Westen reichen ihre Spuren bis zum Onegasee; südlich kann ich sie nicht über die Wolga hinaus zwischen Nishni-Novgorod und Kasan verfolgen.»¹⁶

Laut der Meinung des Verfassers des gegenwärtigen Aufsatzes hat diese Behauptung keine festen Gründe.

Vor allen Dingen ist es notwendig zu bemerken, daß am Lauf der Dvina jeweilige Spuren von syrjänischen Orts- und Gewässernamen vollkommen fehlen. Dieselbe Behauptung gilt auch für den Onegasee und die Gegend in seiner Umgebung.

Die Spuren von syrjänischen Orts- und Gewässernamen fehlen sogar am unteren Lauf der Vyčegda. Nur sehr wenige Orts- und Gewässernamen in der Nähe von Jarensk machen eine gewisse Ausnahme.

Für die Lösung dieser Frage kann die Forschung der Randdialekte der syrjänischen Sprache besonders interessante Materialien bieten.

Der Verfasser betrachtet einige archaische Züge aus dem Gebiete der Phonetik und Morphologie und zieht dabei die Schlußfolgerung, daß in den südlichen Dialekten der syrjänischen Sprache eine überwiegende Menge von Archaismen konzentriert worden ist.

Das Alter der Archaismen in den nördlichen Dialekten ist meistens nicht sehr hoch.

¹⁵ В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва 1955, стр. 33.

¹⁶ M. Vasmer, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands im Lichte der Sprachforschung, S. 30.

Diese Tatsache ist ein Beweis dafür, daß der Beginn der nördlichen Migration der alten syrjänischen Bevölkerung nicht früher als am Ende des ersten Millenniums u. Z. zu suchen ist.

Die syrjänische Grundsprache war schon zu dieser Zeit mundartlich gegliedert. Die nördlichen Mundarten unterschieden sich wesentlich von den südlichen. An der nördlichen Migration nahmen hauptsächlich die Träger der nördlichen Mundarten teil.